

ISSN 1993-9477

XXI ВЕК
ВОЛГА
Литературно-художественный журнал

№ 4 2021

16+

**Константин
МИНАЕВ**

«ПУГАЧЁВЦЫ»*

ГЛАВЫ ИЗ РОМАНА

Памяти матери

Катерина то и дело ходила со своими ребятами на своё поле. Носили с речки воду вёдрами, поливали, сколько сил хватало. Но, ровно утюгом по выстиранной измятой рубахе, палило и выжигало поля безоблачное свинцовое небо. Не дрожали жёлтые сухие листья осины.

А ближе к осени дожди зачастили. Из мокрой, вязкой земли люди вырывали картошку. Мелкая, пустая картошка – одна шелуха. Дед Прокофий, показывая Гарьке на ладони десяток сморщенных картофелин, говорил:

– Чего тут?

А потом добавлял:

– И люди без соку такие будут.

Да, не было соку в земле. Не накормила в этот год крестьян.

Рыжая осень голодной волчицей по дворам все остатки стала жадно подбирать. Съезжались мужики в город, на площадь. Отпрягали лошадей, к возам привязывали, но пусты были телеги у них.

– Хлеба нету... Хлеба. Когда это так было?..

Бывало все года: как кончит мужик с уборкой, до самой весны везёт из своих запасов не только хлеб, а и мясо, молоко, капусту. Какие базары были! А сейчас в город все тронулись, у города хлебушко отнимать, «христа-ради» просить. Да, сильно обидела земля.

Тревожно заговорили мужики:

– Страшная зима будет.

– Голод ничего. Вот ежели чума откроется..

Любят иногда люди страхи придумывать. Как это так: чтобы самарская степь да без хлеба осталась... Век не голодали. Но знающие твердили:

– Бывает. Двадцать лет назад тоже голод был.

Катерина слухам и сплетням не верит:

* Публикация приурочена к 100-летию Великого Голода в Поволжье (Прим. Ред.)

– Живы будем, и хлеб будет. Не то ещё видели.

Отправляет она старшего сына в уком. Передавали, что партийным и семьям их пособие будут выдавать.

Ну и Пугачёвск! Раньше пугачёвские над Москвой смеялись, где люди жили на каких-то карточках, а теперь сами что?.. И карточек-то нет. Вот это дожили!

А голод не шутил. Выгнанный из Москвы, он перебросился в заволжские края и быстро и зло расправлялся с мужиками.

И вот едет с мешком Гарька по улице, шарит глазами, в окно и под ворота заглядывает. Всё думает найти мешок пшеничной муки пудов на пять. Чудак! Ночью – думка, сказка – быль:

«Шёл-шёл, вдруг – бумажка. Поднял и прочёл: «На задах у Пышкиных в яме зарыто сто пудов хлеба». Пышкины-то не знают, а у меня вот план, как до ямы добраться. Что я тогда сделаю? Обязательно деда Прокофия к себе возьмём. Пармешке тоже нужно дать. Ну и Дарье, так и быть, маленько...»

С другого конца примётся думать – и опять как наяву:

«Вдруг письмо с почты Свистуновым. Всё как следует: с марками, штемпелями. «Откуда, от кого?» Развернули, а там:

«Получите экстренно с вокзала двести пудов хлеба. Антон-комиссар прислал...»

Или... Эх, сказка – быль! Зубами бы в подушку, да ведь легче не станет.

Что-то рано стали просыпаться. Шукает на ребят Катерина.

– Спи, спи, спи дольше...

Спи, спи, а вставать надо.

– Хоть кипяточку попьём, – просит Митька.

– Кишки распаривать?

И вот Гарька встал, взял заранее приготовленный мешок и пошёл в уком, по совету матери.

При входе в уком, на лавках, на полу лежат кучи разных газет и плакатов. Их никто не берёт. Что бумага, вот хлеб – другое дело! На одной двери приклеена записка: «Комиссия помощи голодающим». Вот сюда Гарьке нужно. Вошёл.

Комната большая и полна народу. За столом, в шапке и чёрном пиджаке, скуластый, похожий на киргиза сидит мужичок. Он говорит то и дело – видно, что председатель комиссии. К нему-то и подошёл Гарька.

– Подмога Свистуновым будет какая-нибудь? – спросил он.

Мужичок обернулся к делопроизводителю.

– Свистуновы у нас в списках?

Деловод в валенках, с обёрнутым вокруг шеи шарфом, долго водил пальцем сверху вниз по книге. А Гарька стоял около, сжимая мешок в руках.

– Екатерина Ефимовна Свистунова? – скривил усы деловод и карандашом в списках сделал рогатку.

– Она самая.

Председатель, в бородёнке у него всего три волосика торчат, а смекалки, видно, много, взял бумажку и написал что-то. Подал Гарьке.

– Иди вниз, – говорит, – во двор. В склад. Там найдёшь завхоза.

У Гарьки задрыгали локти. Прижался около дверей, пять раз прочёл:

«Отпустить 30 ф. муки. Фед.» – и закорючка в виде рыбки.

На дворе, около сложенных дров, с ключами в руках, весь вымазанный в муке, хозяйничал кладовщик.

– Это вы будете товарищ завхоз? – с лестницы крикнул Гарька как можно вежливее.

Кладовщик засеменил к нему, ключами замахал:

– Нельзя суды! Нельзя!

– Паёк, пожалуйста, отпустите.

– Где же ты раньше был? Я уж запер... Занятия кончились.

Но не упрасивания Гарькины заставили завхоза бумажку взять. Подпись с закорючкой на бумажке силу большую имела.

Завхоз молча отпёр сарай. За перегородкой в больших ларях мука. Сколько её здесь – больше, чем во сне видел!

Завхоз воткнул на гвоздь ордер, взял у Свистунова мешок, развернул края:

– Держи.

Муку сыпал лотком. Осторожно в мешок всыпал. Приятная пыльца пощекотала нос Гарьки.

«Счастье какое завхозу, – думалось Гарьке, а сам всё более и более растопыривал мешок, – нельзя ли к нему в помощники как-нибудь втереться...»

– Будя растопыривать, – перебил мысли кладовщик, – не пять пудов тебе сыпать.

Он кинул на весы гири и ещё камешек на мешок.

– С походом. Завязывай.

Мешок тяжеловат. Закручивая конец, Гарька опять подумал:

«Ну что же? Ведь кому-нибудь надо быть завхозом, чтоб муку-то раздавать. Да разве нашему брату достанется?! Тут кто пройдохистей!..»

Нёс Гарька паёк, в другое время пятипудовым мешком показался бы, а сейчас совсем легко. Остановился в одном переулке, прижался к забору. Не выдержал, оглянулся, развернул мешок, запустил пальцем, на язык положил. Разжевал...

Вот и нашёл мешок, только не во сне, а наяву. Тащи скорей, Гарька!

А Свистуновы, заглядывая в окна, издали заметили Гарьку с мешком. Катерина уже открывала дверь.

– Ну вот. Проголодаешься, так хлеба достать догадаешься. Богачи мы теперь.

Да ещё какие!..

...Простаки Свистуновы. Разве голоду достаточно было одного мешка? Он точил, всё сильнее обсасывал, клонил к земле. И стали люди ленивые, неповоротливые, без улыбок на лицах. Вслух говорили, и в думке бесконечно нудно сверлило у всех одно и то же:

– Поесть... Где бы поесть?..

Перерезали и съели всех кур Свистуновы. Митька, прижав петуха к груди, поцеловал его в гребень. И потом... отрубил голову на колоде. А когда Катерина ощипывала петуха в тазу, все сидели вокруг неё, думая:

«Чем же дальше кормиться? Уком не будет каждый день выдавать муку. Не может всех прокормить».

Пышкины тоже корову зарезали. Даже скотину кормить стало нечем. Живот поджал Митька. Очистил все углы, всё искал, не могли ли где завалиться прошлогодняя корка или заплесневелый сухарь.

Гарька спит на отцовской кушетке; в головах, под подушкой, у него мешок с мукой, паёк укомовский. Не доверяет даже матери.

А потому не доверяет, что мать не по правилу поступает. Ваське и Ельке дополнительные лепёшки печёт. Выдай им мешок, так они в два дня весь очистят... Уком норму установил, и надо норму эту в семье соблюдать.

Митька который раз подлезает к брату:

– Гарь, – говорит он тихо и вкрадчиво. – Давай оладьев напечём... Я умею.

Тот не слышит. Повернулся на другой бок, головой сильнее в подушку уткнулся.

Ещё ближе подполз Митька.

– Отсыпь в чашку, – шепчет в ухо. – В чашечку немного... Размешаем водичкой. Потом на сковородку. Хорошие, вкусные оладьи выйдут... Вот увидишь...

Гарька поднимается, губы у него дёргаются, его трясёт лихорадка, медленно поднимает он кулак.

– Уйди, – сипит он.

– Маленечко... Гарь, ведь я твой брат... Маленечко...

Тогда Гарька вскакивает, бросается на брата и начинает мять его кулаками. Митька лежит и даже не пробует отбиваться от ударов.

– Уходи! – взвизгивает Гарька.

Он хочет исколотить брата, но лежащего без ответа не бьют. Митька не шевелится. Тогда Гарька схватывает его за ногу и, напрягая все силы, волочит на кухню. Открывает ногой дверь и выволакивает в сени. Пусть тут на морозе очухается.

Какой Митька несознательный! А что станешь делать, если примутся просить Елька и Васька?.. Уком на этой неделе категорически отказал. Митька, где не надо, там умел показывать задор да храбрость, а вот где надо – хуже курицы стал. Ослабел, расслюнявился.

Митька же, распластавшись, лежит в сенях. Фыркает носом. Тёплые слёзы ползут по щекам.

– Сволочи все! – И ударился головой об пол.

Никто не слышит Митьку. Никто не видит, как он бьётся головой. Захлопнули двери и ушли. Гарька упрямый, в деле и брата не пожалеет. Мать тоже ушла, всё ходит по дворам и базару, всё думает что-нибудь достать. И бабки нет – никто не услышит Митьку, не узнает про Митькину обиду. Может быть, они хотят Митькиной смерти? Что ж, ладно...

«Пойду в сарай, и там... как одна гимназистка... Мать утром пойдёт за дровами, откроет дверь, а я на верёвке. Пусть. Пусть перепугается. Не жалко. Пусть и Гарька, зараза, плачет, как тогда с Лизкой...»

Наревелся на холоду Митька, легче ему стало. Вошёл в избу и, не глядя на брата, который даже не пошевелился при входе Митьки, направился к отцовскому столу. В ящике нашёл карандаш. Из старой тетрадки, где он писал когда-то, в сытые годы, заглавные буквы на уроке чистописания в школе, вырвал оставшийся чистый лист.

Митька сел писать. Выдумывать не приходилось, слова давно были готовы.

«Дорогой папанька, пишу я тебе, Митька Свистунов, с нашей родины, из города Пугачёва. Забросил, позабыл ты нас совсем... Где ты сейчас, ничего не знаем. И когда ты, папаня, приедешь к нам в Пугачёв, одни кости наши будут лежать – и то не знай где...»

Весь день писал. Исписал листы – наговорился. И обида стала утихать.

Вернулась Катерина, вся измёрзшая. Пришла она с добычей. Вынула из-за пазухи две лепёшечки, из отрубей выпеченные, да из кармана достала несколько корок. Где раздобыла – не говорит. «Свет не без добрых людей...» – только всегда и ответит.

– Ты, Митя, – посоветовала Катерина, – к бабке сходил бы. Ну, что день-то ноете на глазах? Бабка-то наша хороша! Живёт у попа приживалкой, хоть бы кусочек какой принесла!

– Принесёт тебе такая, – ответил Гарька. – Её и голод не заберёт.
Митька заклеил конверт, молча стал одеваться.
– Куда ты письмо? – увидя, спросил брат.
– А тебе чего надо? – окрысился Митюха. Захотелось в свою очередь брата обидеть, да не знал, чем. – На почту пойду, письмо куда надо отправлю...

Гарька криво улыбнулся, отмахнулся рукой. Никуда Митька не отправит. Давно не знали они отцовского адреса.

Когда вышел Митька на улицу, Зойка с пышкинского двора окликнул Свистунова.

Пошли вместе по улице и заглядывали, как старьёвщики, в окна, в пустые дворы.

- Ты чего сегодня ел? – спросил Митька.
- Похлёбку мать варила. Из копыта... Хорошая похлёбка...
- Я тоже поел бы такой похлёбки маленько...

Вся жизнь – на базаре. Точно сизые мухи выются и жужжат на дороге над кучками навоза, так и люди на площади около лавок и возов снуют и галдят.

На возах швейные машины, граммофоны, зеркала, столы, связанные стулья – всё, что накоплено годами, привезено из уютных углов, из кованых сундуков и гардеробов. Яркие шёлковые платки, полотенца вышитые, юбки цветные продавали бабы. Продавали, не торгуясь, но некому брать, да и деньги – не хлеб. Наклади бумажных советских денег целую шапку – и фунта хлеба на эти бумажки не купишь. Недалеко от палаток слышались выкрики:

– Вот крови горячей! Кому крови горячей!

Ребята подошли к торговке. Баба откинула одеяло, сняла чёрные тряпки. Под ними оказался таз. Из таза и от тряпок шёл пар, в тазу что-то застывшее, чёрное, точно густой клюквенный кисель. Торговка резала этот кисель ломтями, как пирог с начинкой, и подавала покупателям.

- Ты не ел? – спросил тихонько Зойка Митьку.
- Нет. Чево это? – не мог догадаться Митька.
- Да запечённая говяжья кровь.

И, наверное, запечённая кровь эта была вкусная. Мужик, который купил порцию, ел жадно, даже бороду и усы всасывал в рот и потом старательно языком вылизал свою ладонь досуха.

Тут же продавали пирожки и кашу.

Торговец встряхивал графин с желтоватой водичкой и кричал:

– Сладкая каша с мухарином! Пожалте! – принялся он поливать из графина кашу. – Лучше чаю и кофею... Каша, вот каша с мухарином... – продолжал он выкрикивать.

- С сахаринном, – поправил Митька.
- Отколь знаешь? – прищурился на него торговец и даже перестал взбалтывать свой графин.
- Слышал. И в газете читал.
- Ну, с сухарином, – легко согласился торговец. – Не всё ли одно? Больно грамотный. Грамотный, а языком вот щёлкаешь.

В одной кучке особенно теснились. Мужики совали деньги через плечи, тянулись к чугуну и ведру, где лежали какие-то черноватые куски.

– Дёшево, дёшево! Всего одна сотня. По-старому меньше копейки. Бери, разбирай! Остатки. И вкусно, и дёшево! – кричал продавец.

Ребята никак не разберутся издали, что же там продают. Но вот один парень вырвался из толпы. На ладони у него лежало чёрное мохнатое мясо. Нет, пожалуй, даже и не мясо.

– Что это у тебя? – спросил Митька, уставившись на его ладонь.

Парень не отвечал, жадно поглощая незнакомую Митьке снедь. Можно подумать, что это галка варёная с перьями, да нет, волосатое что-то.

– Шкура варёная, – догадался Зойка.

Кусок у парня с ладони быстро исчезал во рту. Парень так вкусно чавкал, что у Митьки даже слюнки потекли.

– Давай купим, – предложил он товарищу. – У тебя, Зойка, сколько денег?

– У меня две сотни, – ухватился Пышкин за свой карман, – но я сегодня не буду покупать. Я – завтра.

Зойка знает: покупать надо одному, чтобы с товарищем не делиться.

Самые богатеи на базаре – палаточники. Это у них выставлены пахучие, с поджаристой корочкой караваи, колбаса и сосиски.

В блюдах мясо варёное и жареное.

– Давай постоим, посмотрим – сыты будем, – говорит Митька, не сводя глаз с палаток.

– Ну да... Пробовал я, – усмехнулся Зойка. – Дурак ты. Чем больше глядеть на колбасу, тем тошнее станет.

Около палаток вились, рыскали и другие мальчишки. Но они были до того грязные, точно их нарочно где вымазали.

– Беспризорные, жулики, – указал на них Зойка.

Вдруг поднялась суматоха. Один хозяин-мясник, в фартуке, выбежал из своей палатки и вопил:

– Нож! Нож украл!

Народ быстро окружил палатку и размахивающего руками мясника. Некоторые бросились ловить вора.

– Вон, кажись, кого-то поймали. Так и есть – из беспризорников.

Ткнули мальчишку лицом в снег, а подбежавший лавочник, остервенясь, топтал его ногой.

– Всё время он у моей лавки крутился. Не дал ему колбасу стянуть, так он на нож нацелился. На вот тебе, на!..

И мясник бил ногой, крикая, точно рубил мясо топором.

Окружив беспризорного, молча стояла любопытная и голодная толпа. Не сочувствовали в это время голодающие мяснику, и мальчишка, понимая толпу, ругался, шипел, как гусак, изо всех сил стараясь укусить за ногу мясника.

– Хозяин, твою лавку обокрали! – завизжала баба.

Лавочник крикнул, пригнулся – в припадке ярости на мальчишку он совсем забыл про свой товар – и кинулся к палатке.

На полках уже было чисто.

– Убью! – заорал он, не зная, кого ловить.

Толпа гоготала.

Однако представление кончилось, и опять Митька с Зойкой пошли бродить по базару.

– Пирожки, пирожки с кашей! – на одном конце кричат.

– Кому, кому крови горячей...

И тот мужик, позабыв Митькину науку, продолжал по-своему выкрикивать:

– Сладкая вода с мухарином для каши! Есть сладкая вода с мухарином.

Зойка обежал одну палатку, подмигнул Свистунову:

– Пойдём. Я знаю как... не увидят.

Но Свистунов боялся на это дело идти.

– А ты не видал, как давеча мясник с ножом?

– Не увидят. Ей-бо, не увидят. Я сумею. Ты только следи. Сторожить будешь.

Но Митька не пошёл. На кулачки не побоится, на любую драку пойдёт, зарезаться собирался, а тут – нет, нехорошее это дело, никогда не думал об этом.

– Так не пойдёшь? – спросил Зойка ещё раз.

– Нет.

Зойка начал ругаться: и трусом, и ябедником обозвал.

– Ну, тогда больше не буду водиться с тобой! – объявил он в заключение.

Митька не обиделся и даже не дал пинка ему в ответ.

У попа Парадоксова, местного богатея, жила в приживалках не одна бабка Аксинья. Низкий широкий поповский дом был окружён разросшимся палисадником. Хотя батюшка и проповедовал доброту и любовь, но ворота у него всегда были на запоре. Старухи-приживалки шёпотом передавали своим знакомым: жена батюшки лет двадцать тому назад неизвестно куда с одним проезжим врачом убежала. А сын-студент от науки с ума сошёл. И вот живёт один Парадоксов в тихих, больших, пахнущих воском и ладаном комнатах. Полы натёрты до томного блеска, длинные коврики тянутся от порога к переднему углу, где постоянно горят лампы. Охраняли попа-бобыля старухи-приживалки, жужжали в кухне как осы.

Митька боялся старух: выскочат, загалдят, хуже собак. Поэтому не постучал в калитку, а приложился ухом к воротам – тихо. Нашёл трещинку, глазом приник. Пусто на дворе.

Тогда обошёл палисадник. Нашёл низкое, удобное местечко, залез – и ухнул прямо в снег, с валенками. Стал вытягивать ногу – она из валенка вылезает.

«Вот зараза, не выберешься ещё». И другой ногой ещё глубже ушёл в снег. Только глядит: под деревом в снегу какой-то комок. Дотянулся, пихнул рукой – смотрит: запорошённый снегом петух.

Встряхнул его за крыло – лапы синие. И гребень синий, дотронулся пальцем до него, переломился, как пряник.

Недолго думая Митька перекинул петуха через палисадник – и сам за ним следом.

Отряхнулся от снега, сунул петуха под пиджак, застегнулся – и бежать.

Животу холодно от мёрзлого петуха, но Митька крепко прижимает свою добычу.

«Он жирный, тяжёлый».

Прибежал домой, не отдышится. У Катерины ласково засветились глаза.

– Наш работник и вправду что-то принёс.

Митька гордо вытащил из-под пиджака свою добычу и шлёпнул прямо на стол.

– Вот, что надо!

Все ахнули: вот это действительно работник! Целого петуха принёс.

– Где достал? – спросил с невольной завистью Гарька.

– Поп всех кур раздавал, так я самого большого петуха ухватил.

Гарька посмотрел на синий сломанный гребень и поморщился:

– Ээ... Я не буду.

– Не будешь – не надо, – ответил Митька.

Катерина быстро ошипала немного под крылом птицы. Понюхала и объявила:

– Ничего, сынок. Находка хорошая... Люди не то теперь едят...

Добыча оживила семью. Катерина, засучив рукава, быстро и ловко ошипывала птицу. Митька побежал за дровами в сарай.

А когда затопили голландку и поставили чугуны с варевом, в избе ещё веселей стало.

– Ишь, какая бабка умная, – тараторила Катерина, – догадалась. Уму-разуму кто-то наставил. Петуха дала. Не забыла нас...

– Картошечки или вермишели сюда бы... – мечтал вслух Митька.

Тогда мать сообразила:

– А я сейчас клёцки сделаю...

Пришлось Гарьке не скупиться. Отпустил из своего склада две горсти муки на клёцки. Суп был жирный, вкусный, такой, какого давно не ели.

Вскоре слышно стало, что в город Пугачёвск едет какая-то «Ара».

– Это ещё что за «Ара»?

– Организация такая, – объясняли знающие. – Мериканцы бесплатно будут кормить голодающих.

– Какая польза кормить бесплатно? – удивлялись все и не верили.

– Так и бесплатно, а после они в десять раз больше с нас сдерут. Мериканцы хитрые, а Россия богатая, толста да глупа.

– Пусть сдирают, – соглашались другие, – ты сейчас нас накорми.

И вот наконец объявили.

– «Ара» только одних детей на кормёжку возьмёт. Надо идти в совет регистрироваться. Там уполномоченные детей переписывают.

Пошли Свистуновы и Пышкины записываться. Елька с Васькой свистуновские, как самые малые, первыми кандидатами на американский паёк оказались. Митьку с Зойкой тоже втиснули в список, а Пармешку с Гарькой назад отослали.

– Не подходите.

Сильно поругался Гарька с комиссией, да ничего не вышло. Не знал кое-чего Гарька. Ведь Зойка с Митькой по годочку сбавили, да Пышкина Дарья, баба-жох, сумела упротить уполномоченного в список их записать.

Не выдержала, слегла Катерина. Пришла она откуда-то – с базара или по «добрым людям» ходила, – вытащила из-за кофточки четыре картофелины, выложила их на стол.

– Ноженьки мои больше не ходят, – тихо промолвила она.

Легла в постель, а на другой день и не встала.

В одной распашонке, из-под которой торчат голые ноги, сидит Васька на лавке. Живот у него большой, раздутый, и голова большая, и оттого, что шея и плечи очень тонки и слабы, ещё больше кажется. Васька зовёт

и не понимает, почему мать не встаёт, а всё лежит. Про Ваську своего голодного забыла...

Мечется на кровати Катерина. Шумит у неё в ушах, накатывает тяжкий туман, тянет из кишок. И слышит она, словно откуда-то издалека, голос меньшого сына:

– М-а-а-м, есь хочу...

У Васьки большие, неребьячи глаза, и, когда хныкает, открывает он свой беззубый рот – прямо карлик-старичок:

– Есь хочу-у...

– Сердце моё рвете... – бьётся Катерина, открывая через силу глаза, ищет остальных ребят по избе. – Гаврюша, Васютку-то... Митенька, а ты дровец принеси... Замерзаю... Окоченела вся...

Митька сбегал за бабкой. Аксиныя скоро прибежала, принесла в мешочке кусочки хлеба и каши. Как взглянула на Катерину, так и решила:

– Тифняк, тифняк, матушка. Подцепила у кого-то...

Васька при бабке сразу умолк. Он вцепился в корку обеими руками и сосал. Трудно было кому-нибудь вырвать у него кусок. Он был самый слабый. О нём никто не заботится, и, чуя это, он изо всех сил хватался за свою маленькую жизнь.

– Ваську надоть в детский дом, – надумала Аксиныя. – Ещё заразится от тебя.

– Ох, что хочешь, то и делай... – согласилась Катерина.

Закутала бабка внучонка и унесла. На другой день пришла довольная.

– Устроила. Давай Ельку.

И Ельку увела.

Митька давно глядит на Гарьку. У брата под глазами синие пятна. Кашляет, вытирает липкую слюну тряпкой.

– Рюха, да ты что?

Гарька глядит на него немигающими глазами.

– Пиить...

Лежит с открытым ртом. Голова у него горит, живот горит, в глазах огонь.

– Маманька, – кинулся перепуганный Митька к матери. – Ведь наш Гарька помирает...

Катерина хватает его окоченелой костлявой рукой – не может приподняться.

– Ки... кипяточку согрей...

Перепуганный, сбитый с толку, Митька бежит за водой, колет чурки, ставит самовар.

Напрягая все силы, Катерина с закрытыми глазами учит:

– Скипит самовар... достань бутылки... – говорит медленно, цедит по одному слову. – Бутылки под лавкой. И в чулане найдёшь. Налей в бутылки... кипятку... Дай мне... Ноги совсем окоченели...

Митька – санитар. То к матери, то к брату кидается.

Гарька корчится на постели, кулаками мнёт живот. Митька помог ему встать. Но тот закачался и ударился головой об стену. Вывел его брат в сенцы.

Крепкий морозный воздух ещё больше затуманил голову, но дышалось легче. Митька сторожил около сарая. Выправил ему рубаху, застегнул где надо, в избу обратно привёл.

Легче стало Гарьке.

С раннего утра на улице и во дворе у дверей столовой «Ары» толпятся ожидающие. Из кухни столовой то и дело выносят в корзинах отбросы и разный мусор. Мальчишки, завидя, со всех ног бросаются за корзиной. Начинается драка, особенно если замечают, что в мусоре заблестели консервные банки.

Митька с Зойкой работают дружно и сообща, и им всегда что-нибудь достаётся. Иногда выбегает сторож, кричит, размахивает бестолково руками, но отогнать нелегко.

Опять хлопают двери, из кухни вырывается вкусный запах, и, сбивая друг друга, вбегает другая партия ребят, начинается новая драка. Тогда заведующий обычно приказывает выгнать всю детвору на улицу и запереть ворота.

К двенадцати часам становятся в очередь у ворот. В дверях самой столовой служащие осматривают каждого со всех сторон и всякий раз наказывают:

– С собой обратно ничего не выносить. Всё равно будем отбирать.

Пол столовой осыпан свежими опилками. Столы длинные, промытые горячей водой.

Никакой театр или кино быстро не заполняется, как столовка, когда открываются двери.

– Тише! Тише... – удерживают служащие в дверях ребят, готовых всех сбить с ног.

Но вот все расселись. Каждый садится на своё отмеченное место, где лежит его ложка.

подавальщицы сначала выносят на подносах стопки нарезанного белого хлеба. Раскладывают ломти быстро и ловко около каждого. Считают едоков по головам. Каждый человек, каждый ломтик на учёте.

Сначала кормят супом из фасоли. Ребята соскребают и вылизывают края и доньшко жестяной тарелки. На второе выдают по кружке какао.

Митька и Зойка всегда сидят рядом. Зойка ест быстро, подбирая пальцами фасоль, прилипшую с боков и ко дну тарелки. А Митька ест и думает о матери, о Гарьке. Он глотает слюну, потом прячет корку в карман: «маленькая такая, не отнимут». Оглядывается по сторонам и следит за подавальщицами. Локтем нарочно сдвигает ложку к краю.

Ложка упала под стол.

Незаметно опускаясь, Митька спустился под лавку. Уселся поудобнее под столом, вынул из-за пазухи бутылку.

Наверху за столами громко чавкают, и никто, конечно, не замечает пропавшего Митьки. Тогда он осторожно просунул руку кверху, нащупал на столе свою кружку какао, ещё осторожнее, боясь пролить, спустил к себе под стол.

– Ты чего? – учуял Зойка и пригнулся к нему.

Митька в ответ свободной рукой ущипнул его за ногу: «Молчи...»

Перелил, себе чуть-чуть оставил в кружке для вида. Бутылку заткнул тряпичной пробкой и спрятал под рубаху, за пояс.

Совсем незаметно: живот худой, ещё две бутылки можно упрятать.

– Свистунов, ты что делаешь под столом? – заметила наконец надзирательница, подойдя к столу. Но она опоздала. Митька сделал, что ему надо.

– Я ложку уронил... – вылезая, ответил он и, чтобы её успокоить, стал допивать какао.

У дверей при выходе осматривали. Митька нарочно держал руку в кармане, где спрятал корку. Пусть за корочкой погонятся, а бутылки-то и не заметят. Те, конечно, сразу же обратили внимание на руку и нащупали кусок в кармане.

- Почему хлеб не доел?
- Доем... Я доем сегодня... вечером.
- Обязательно сам доешь, – пригрозил пропускающий, – а то выпишем. Обманул Митька. Пронёс бутылку какао.

Дома подогрел. Налил прежде всего матери в чашку. Катерина, опираясь на костлявый локоть, пила маленькими глотками, не раскрывая глаз.

- Душу согрела. И сердце обогрела... Спасибо, родной.
- И брату немного досталось, да белую корочку ещё ему дал.

Как тараканов кипятком ошпаривает, так и тиф в союзе с голодом людей укладывал. Но Свистуновы либо уж очень живучи, либо их только краем задело, стали поправляться. Катерина сползла с кровати и, как будто на костылях инвалидка, переходила от стола к лавке.

- Ой, как у меня ноженьки он, тифняк проклятый, подрубил!..

Гарька тоже обессилел, точно его исколотили до полусмерти, но чувствовал, что болезнь уходит.

- Теперь только мучительно хотелось есть. Сосать свои пальцы, глодать руки. Холодно в избе. На стенах зацвела плесень.

В пиджаке и шапке сидит Гарька около окна и глядит на улицу. Мимо окон едут мужики, едут, тянутся, худые, тощие...

- Глядите, на коровах поехали.

Тощая, с длинными рогами корова тянула кошёлку, а в кошёлке, в соломе, как обожжённые горшки, ребятишки...

- Детей-то куда везут? – спросила Катерина, подойдя к окну.

Митька знал, что делается в городе, и объяснил:

– Из деревень они собраны. В «Ару» их везут. Только не возьмут их. Своих, городских, много. Все приюты полны. Деревенские на дворе детей побросают и уедут. А служащие, чтоб им сдохнуть, заразы, воруют у нас хлеб...

Всполошилась Катерина.

- Надо к Васютке сходить – посмотреть, куда его там бабка сунула.

Уговаривал Митька её обождать ещё денька два, да не послушалась, пошла.

Оделась кое-как, затянулась полотенцем, палку в руки взяла и зашагала легонько.

Аксинья сказывала, где: в ястребовском буржуйском доме приют устроили.

Двери приюта с улицы были заперты. Катерина вошла со двора. В кухне никого не было. Глянула дальше, в следующие комнаты. В большой зале на диване, как зяблики, тихо сидят ребятишки. Двое, в одинаковых рубашонках, на полу, увидев заглянувшую Катерину, поползли к ней. Катерина стояла у дверей и глазами искала своего.

– Тебе чего, бабушка? – подошла к ней няня в белом халате и с чайником в руке.

– Сынишку пришла проведать. Сама-то я лежала в тифу, только поднялась...

- Ну, смотри, смотри...

– Гляжу, да не вижу, милая.

– А как звать-то? – вернулась няня.

– Вася. Свистунов Вася.

– Свистунов? Чтой-то у нас такого нет, – подумала няня. – Может быть, в другом каком доме.

– Нет, тут... В ястребовском.

Подошла к ним другая нянька, с бельём. Узнав, в чём дело, она сказала просто, не замечая страшного слова:

– Свистунов умер.

Надломилась Катерина и со стоном повалилась на лавку.

– Третьего дня ещё... – крикнула на ходу няня, не оборачиваясь.

Катерина не рыдала, не хлюпала, как баба на селе по покойнику, а безмолвно плакала. Горе, прорвавшись, вытекало в горьких слезах.

Вышла заведующая, не знала, как успокоить Катерину.

– Он лежит там, в мертвецкой, – сказала она. – Ещё не увезли.

– Дайте мне его, – попросила Катерина.

Опираясь на палку, еле-еле спустилась со ступенек во двор.

– Не только твой там, – отпирая сарай, говорила няня, – сегодня ночью ещё троих вынесли...

Когда распахнули дверь, свет полосой упал на два стола, покрытые простынями.

– Ищи, тётенька... Может, и вправду ещё не увезли...

Катерина подошла к первому столу, откинула простыню. Лежат голенькие, белые ребятишки, несколько на мёртвых не похожи. Только одна девочка лицо нехорошо скривила и так застыла.

Отняла другую простыню Катерина – Васька лежит. У него тонкие синеватые ноги. Большой, распухший живот. Глаза закрыты, и сердито сжаты губы.

– Ты теперь, Васенька, не скажешь: «Я есть хочу».

Пощупала руки – они как костяшки.

– Не попросишь хлебушка.

Васька молчал. Плотно и сердито сжал губы и сморщил лоб. Зачем пришла мать, зачем она отдала его сюда? За что его выбросили в сарай?

Низко, низко поклонилась Катерина.

– Прости меня, сынок, – прикрыла опять простыней и, держась руками за стены, шатаясь вышла со двора на улицу.

Няня спокойно запирала двери сарая.

Аксинья не удивилась смерти внука, а даже обрадовалась.

– Ну и слава Богу, что прибрал. Он всё равно не жилец. Мучение только с ним...

Но Катерина качала головой и твердила:

– Я, я всё виновата. Поверила, дура, отдала тебе.

Аксинья обижалась, тоже принималась причитать: столько заботилась о них, а её теперь же обвиняют. Разве ей не жалко своего внучонка, но что же делать... Не такие умирают.

Гарька сидел как парализованный, молчаливый, с одной мыслью:

«Лизку убили... Васька помёр... Двое». Подкатило что-то волной к горлу и свело скулы: «Кто теперь из нас на очереди?»

До весны далеко. А разве весной будет легче? Может быть, последние дни...

– Нет. Одного сгубили, не дам больше! – решила Катерина, утирая слёзы. – Сама лучше погибну, а Ельку не отдам.

Но куда она могла взять Ельку?

И, чтоб успокоить себя, стала она ходить каждый день в детский дом навещать девочку.

Уком для Гарьки вторым домом стал. Хорошо, что он открыт с утра и до самого вечера и посторонних не выгоняют. В агитпропе помещается

редакция газеты «Голос крестьянина», на столах всегда лежат целые вороха газет. Люди берут газеты – и Свистунов тоже со стола тянет. Газета печатается на жёлтой обёрточной бумаге. На первой странице крупными буквами:

«Рабочие помогают голодающим».

На другой ещё крупнее:

«Братская помощь».

А ниже – помельче – Гарька прочёл:

– «Москва. Богородская мануфактура выработала в пользу голодающих 150000 аршин мануфактуры. Рабочими отчислен однодневный паёк»;

«Тамбов. Выгружено сто шестьдесят тысяч пудов яровых семян для голодающих районов».

Ещё ниже:

– «Сибирь помогает: в Балаганском уезде собрано 10000 пудов хлеба»;

«В Бийске собрано 90 пудов хлеба и 800 пудов картофеля».

Гарька с досадой швырнул газету:

– «Собрано», «отправляют»... Знаем мы. Дождёшься тут помощи... Пишут для беспартийных – успокаивают. А мы, партийные, ведь знаем. Всё знаем..

Но газету опять взял, перевернул. В отделе «Хроника» мелкими буквами сообщались страшные новости:

«На почве голода в Яблонино-Гайской волости бегут семьями, бросая всё...»;

«По сведениям уздрава, за последние три дня по уезду на почве голода умерло 836 человек».

– Во! – тычет пальцем Гарька в газету. – Навезут хлеба в Пугачёвск, а кормить будет некого.

Когда Свистунов получил в последний раз паёк (партийцам и их семьям уком выдавал из последних запасов по 10 фунтов жмыху и 20 фунтов отрубей), завхоз говорил одному:

– Телеграмму получили: Царицын из Одессы первый эшелон хлеба пришёл.

Это только в Царицын пришёл, а до Пугачёвска далеко.

Дня через два уездный исполнительный комитет советов объявил: «Назначается трёхдневник по чистке города. Каждый участник за работу получает по два фунта муки на человека».

А уком от себя маленькую беленькую бумажку вывесил:

«Предлагается всем членам городской организации РКП(б) явиться на субботник в порядке партдисциплины».

Рано утром на другой день приказа около укома уже толпился народ. Тут были и старики-партийцы, и комсомольцы. Около подъезда у стены свалены кучи лопат, ломов, топоров. Комендант работ, начальник милиции, распределял прибывавших на субботник:

– Первая партия – на кладбище. Вторая партия – в ОНО. Комсомольцы – в трактир.

Гарька был с комсомольцами.

В старое время трактир Терентьева был самым бойким местом в городе. В нижнем этаже находилась чайная для приезжающих мужичков, в верхнем этаже помещались бильярд и пивная с гармонистами. С начала германской войны трактир Терентьева пошёл под солдатские казармы. Кто здесь только не жил! А сейчас это здание без дверей, с сизыми окнами, затянутыми коркой льда, – ночлежка для всех желающих.

Под командой члена укома комсомола Еньки Ежкова комсомольцы подошли к трактиру с лопатами в руках. И тут сразу, с первых шагов нат-

кнулись на работу. С крыльца на улицу сползал, стучаясь головой о ступеньки, полуобмёрзший мужик. А вслед за ним выскочил другой мужик, поздоровее, красный и обросший волосами, и кричал вслед:

– Куда, окаянный!

Он схватил за ногу сползающего мужика, потащил обратно в дверь, но тот крепко цеплялся скорчившимися руками за ступеньки. В левой руке у него был зажат кусок хлеба.

Гарька подумал: «Вот если бы этот мужик был чуть живее, он кусок хлеба отнял бы, ведь всё равно он не съест, вишь, язык застыл».

Ребята вошли в коридор. Точно вытащенные из воды и засыпающие раки на солнце, люди, сваленные тифом-голодняком, раскорячившись, опершись на руки и колени, лежали на ступеньках, на пороге: одни ещё ворочались, другие – уже готовые – застыли недвижимо.

– Мертвецкая здесь что надо, – проговорил Енька, не решаясь подняться выше, – одним нам, пожалуй, не управиться.

– Пошли... Пошли! – загалдели внизу ребята. – Свистунов, прыгай дальше.

Гарька, почему-то стараясь не дышать, перешагнул через первого лежащего, выбирая ногой свободное местечко на ступеньке.

– Что ты как барышня? Сигай дальше! – ткнули его сзади лопатой в спину.

Наверху, на втором этаже, в просторной комнате, полной ночлежников, было тихо. Не слышалось сонного храпа и не чуялось удушливого запаха пота.

– Хорошо, что морозы крепкие стоят, – сказал, оглядываясь, Енька, – а то смотри, сколько их здесь наворочено.

Ежков потрогал лопатой одну кучу. Под одеждой и тряпками что-то вдруг зашевелилось, вытянулось и опять сжалось. Ребята переглянулись. Гарьке вспомнилось: так и он иногда на речке прутиком в ракушку совал, и улитка сжималась, пряталась в своей ракушке.

На полу валялись чашки, помятый жестяной чайник, виднелась застывшая красная лужа.

– Разбирайся тут: какой живой, а который готовый. Эй, лежаки! – закричал вдруг Енька. – Ну, отзовись, кто здесь в силах подняться.

Ему никто не ответил. Прислонившись головой к стене, на табуретке, закрыв глаза, сидел неподвижно сонный мужик. Если сидит, значит, живой. Уж не сторож ли он здесь этого спящего общежития застывших ночлежников?

Потрогали мужика за плечо:

– Эй, гражданин!..

Не поднимает мужик головы, не открывает глаз. Тогда Енька наклонился и прислушался, как доктор:

– Пыхтит, живой!

Прошли по всем комнатам. Порешили ребята, откуда кому начинать.

– В отделе народного образования ещё больше, – рассказывает кто-то из ребят. – Там сосунков много из деревни навезли. Привезут и бросят. В коридорах, в канцелярии под столами – везде.

– Ладно, ладно, не запугивай! Не стесняйся, бери подряд.

Ребята работали мрачно и молчаливо. Разбирали и вытаскивали из комнат к общим дверям. Вдруг что-то рядом грохнулось. Вздروгнули ребята, некоторые бросились в коридор, наружу.

– Кто там? Кто балует? – вскрикнул Енька и поднял лопату над головой. Тишина... Ни стопа...

Ребята на цыпочках прошли в соседнюю комнату. Посередине её, с раскрытым ртом и заведёнными белками глаз, лежал сторож, что сидя спал на табуретке. Енька подошёл к нему, поднял руку и перевернул его на бок.

– Теперь готов. Тащим и его к выходу.

Вскоре Гарька получил приказ от ребят:

– Беги, Свистунов, в уком, найди коменданта. Передай ему, что мы, мол, не справимся, и скажи, чтобы ещё слали людей на подмогу. Требууй, чтоб подводу скорей подали.

Гарька, спрыгивая по лестнице вниз, старался не замечать, что у него под ногами.

А тот мужик всё-таки выполз из трактира! Лежал на снегу, синий, неподвижный, как опившийся. Худая собака с поджатым хвостом, вздрагивая от икоты, вырывала корку из его крепко зажатых пальцев...

На кладбище работала другая партия, из стариков-партийцев. Кресты и памятники были занесены глубоким снегом. Стоя по колено в снегу, рыли работники общую яму. То ли промёрзшая земля была как чугунная, или руки с голодухи не поднимались – работа шла туго. За день вырыли не больше аршина вглубь. И чтоб немного развлечься и передохнуть, коммунары курили то и дело.

– У кого спички есть? – окрикнул партиец-агроном из Земельного отдела, вылезая из ямы.

Спичек ни у кого не оказалось. Гарька, порывшись в своём кармане, заявил:

– У меня зажигалка.

Воткнув лопаты в снег, коммунары стали свёртывать сигарки.

– Хорошая штучка! Откуда достал? – прикуривая, спросил агроном Гарьку про зажигалку.

– Товарища Рудомётова.

– Которого чехи расстреляли?

– Да. Его зажигалка.

Вспомнили и заговорили о Рудомётове: какой хороший работник был, всего себя делу отдал, и как бестолково попался чехам. Где расстреляли, где бросили – неизвестно. Бывают же такие случаи.

Агроном курил с наслаждением, по временам отирая усы от инея.

– А отец ваш, Гарька, ничего не пишет? Где он сейчас?

– В Москве.

– Что же он бросил семью-то?

– Эх, сказал! – ответил ему управдел из уисполкома. – Он бы рад приехать, да к нам за Волгу никого не пускают.

– А почему?

– Потому! – ответил управдел. – Приказа ВЦИКа разве не читал? Въезд за Волгу и выезд оттуда запрещены. Распространение тифа. Зараза...

– Да что писать? – заговорили другие. – Кто живёт в Москве, тому хорошо. Давно махнули на нас рукой...

– А вот у кого есть заручка в Москве, тому стоит выбираться отсюда...

Вечером Свистуновы сидели вокруг своей коптилки. Был семейный совет. Гарька председательствовал и был докладчиком.

Если ехать, так надо быстро и окончательно решать. Завтра суббота. Поезд уходит в понедельник. Осталось всего два дня. Надо продать всё, за что можно ещё получить деньги. Гарька завтра же насчёт документов хлопотать пойдёт.

– Елку тоже возьмём? – задал Митька вопрос докладчику.

– Уж я ни за что девчонку не оставлю, – ответила Катерина.

«Уехать – пустяк, – думала Катерина. – Собрались да поехали, только вот как дом, на кого его оставить?»

– Строились, строились, наживали-наживали, – вздохнула она. – Бросим – разорят. После не оправившись.

– Одни мы, что ли, бросаем! – перебил Митька. – Смотри, сколько уезжает. Бросают не такие дома...

– Мне, мам, всё равно в этой избе не жить, – сказал Гарька, – уеду путешествовать. В Америку уеду.

– И я, – добавил Митька. – Я на Северный полюс. На Сахалин или в Индию.

Обиделась Катерина:

– Вы сначала вырастите, а потом разлетайтесь, куда хотите, хоть к киргизам уезжайте. Вас ещё на крепкие ноги надо поставить...

Поднялись горячие прения. Митька – за отъезд, мать – против.

Гарька достал последнее отцовское письмо. Прочёл вслух.

Антон писал: работает он в Москве, в Наркомпроде. Живёт хорошо. Правда, насчёт приезда ничего не пишет, но обещался чем-то помочь. Письмо писано в ноябре... А сейчас январь наступил.

Что далеко отец – не страшно. Плохо то, что даже голосу нельзя ему подать.

– Отец не приедет, – сказал Гарька. – На субботнике партийные говорили, что въезд к голодающим за Волгу запрещён. Сам Калинин декрет такой подписал. Раз почта не ходит, так людям и подавно сюда не пробраться. Ну, как же решаем? – спросил он в последний раз, а Митька уже поднял руку «за».

Катерина подумала ещё немного и со вздохом ответила:

– Чему быть, того не миновать. Собирайтесь.

Подготовка к публикации
Юрия КАРГИНА